

ПРОСТО ВЕЩИ (как они есть)

ИНТИМНЫЙ ДНЕВНИК КАК «ПРОСТАЯ ВЕЩЬ»

© К. С. Пигров

В статье рассмотрена специфическая «гуманитарная технология» ведения интимного дневника. Подчеркивается, что для ведения интимного дневника не требуется никаких сложных и дорогих инструментов, не требуется никаких особых литературных дарований. Дневник как «простую вещь» не только может, но и должен вести каждый грамотный человек, ибо эта техника выступает важнейшим условием возможности развитого самосознания и свободы.

Ключевые слова: интимный дневник, персональность, общение, проповедь, исповедь, болтовня, письма, темпоральность, язык, самосознание, свобода.

Всё нужное не трудно, всё трудное не нужно.

Г. С. Сковорода

Я хотел бы начать с благодарности Самарской гуманитарной академии, а также этому прекрасному молодому племени талантливых философов, которые здесь «пригрелись», «hic tuta perenant» – здесь в безопасности пребывают (девиз Санкт-Петербургского государственного университета, может быть, девиз всякого университета, всякой академии).

Пафос самарского философского исследования простых вещей в том, чтобы сложно говорить о простом. Здесь есть «фишка» – ещё не до конца разыгранная постмодернистская игра, которую я, конечно, «принимаю и приветствую звоном щита». Но всё-таки попытаюсь говорить о простом просто, хотя, надеюсь, и не банально. Я попытаюсь говорить о важном, может быть, о самом важном. Ибо важное – всегда просто. И можно позволить себе власть в простоту «как

в ересь». Простота и есть, по сути, высшая сложность. Меня вдохновляют простые формы древнерусского храма. Прорезь окна в таком храме кажется простой, прямолинейной, но на самом деле сколь сложная это линия!

1. Постановка вопроса: как следует жить?

Что вообще важно? Философия должна найти ответ на вопрос: как следует жить человеку. Собственно, этот вопрос был решен уже давным-давно – в Осевое время. Более того, самая суть Осевого времени и состоит в том, что оно решило – до конца, окончательно, исчерпывающим образом – этот главный вопрос человеческой жизни. Осевое время – это то самое время, когда человек разрешил загадку своего бытия, нашел выход из платоновской пещеры. Вот здесь в Осевое время и были выработаны простые технологии, доступные каждому.

В Осевое время человек научился читать и писать. Он овладел технологией скриптитизации. Человек освоил мимесис, он научился удваивать реальность в слове, в тексте, в изображении, в музыке. И были изобретены главные технические устройства для мимесиса. Это перо и бумага, свирель¹, вообще в широком смысле слова – гармонические орудия. Именно в Осевое время возникла техника символического типа, предназначенная не для удовлетворения наших повседневных потребностей, но для прорыва к Абсолюту. Она проста, хотя в определенных случаях может концентрировать в себе огромный опыт, многие пласты смыслов. И с тех пор, благодаря этой символической технике, которая получила и индивидуальные модификации, индивидуальная человеческая жизнь обрела смысл.

Увидев однажды этот мир, мы оказываемся призваны к тому, чтобы удвоить его. Именно это философским образом удивило Аристотеля – универсальная технология мимесиса. Удвоенная реальность – что это такое? Это и есть реальный прорыв в мир эйдосов. То есть мир ужасен, он предстает как безобразная помойка. Вокруг нас – постоянная чума. Но приходит, положим, художник, рисует эту помойку – и получается прекрасная картина. Вот такой прорыв через удвоение – это и есть окончательное разрешение загадки человеческого бытия.

При этом не требуется никакой особой «самой современной» техники. Сегодня подчас кажется, что как же это я могу, мол, вообще заниматься духовной деятельностью, если у меня нет, к примеру, персонального компьютера? Можно ли без персонального компьютера выйти из платоновской пещеры? Это будто бы совершенно невозможно. Однако для этого фундаментального освобождения достаточно просто бумаги и карандаша. Довольно не просто простых, но простейших, очень дешевых средств. У Пушкина не было ноутбука, но он написал «Евгения Онегина».

Но дальнейшее рассуждение позволяет прийти к еще более радикальным выводам. Читать, писать, рисовать, музицировать может каждый. Какие-то исключительные, выдающиеся способности не нужны, способности не обязательны. Если они у кого-то обнаруживаются, как скажем, у Марселя Пруста, они тут же поступают во всеобщее достояние. Так

¹ Свирель – это намек на Г. С. Сковороду.

«устроена» духовная сфера. Мы наслаждаемся способностями Марселя Пруста, или Ван Гога, или Чайковского, или Б. Б. Кинга так же, как будто это *наши способности*. Более того, можно довольно обоснованно предположить, что те радости, которые получает читатель, скажем, Монтеня, выше и интенсивнее, чем те радости, которые он мог получить сам, создавая свои «Опыты».

Все это особенно очевидно в ведении *интимного дневника*. Просто записывай изо дня в день, что с тобой приключилось, перечитывай записанное, и дни не пропадут. То есть записанный день – он уже как бы остался в вечности. Он уже прорвался, он уже вышел из платоновой пещеры. Он уже обрел смысл.

И философия, и вообще все *духовные занятия* – это и есть разные модификации такой простейшей рефлексии как ведение дневника. Я далее пытаюсь показать, что в некотором роде все формы человеческой активности – это дневник в широком смысле слова. Лев Толстой, может быть, в полемическом запале, говорит: зачем все писать в разных книгах? Нужно писать одну книгу – дневник. И она будет интересна читателям и полезна автору².

Поэтому ведение *интимного дневника* деятельным человеком и составление мемуаров в старости – это не просто возможность, но это нравственная обязанность человека, поскольку он именно разумный, сознательный человек. Зачем вести дневник? Ироничные люди могут сказать: как только ты умрешь, все твои дневники будут уничтожены равнодушными потомками, а еще хуже – осмеяны или использованы в каких-то неблагоприятных целях. Да, публикации дневников и мемуарных книг очень часто вызывают осуждение³.

Все мы, как рыба кета, выискиваем свою речку, откуда мы вышли, свою Духовную Родину, чтобы по ней – несмотря ни на что! – подняться вверх по течению. Что там будет с тобой на этой Духовной Родине, погибнешь ты или не погибнешь, съест тебя медведь или не съест, выловит браконьер или нет – неизвестно! Всё может быть. Но если ты прорвался, выметал икру и даже погиб – вот это и есть состоявшаяся жизнь. И это может быть в форме простейшей, доступной всем технологии – ведения *интимного дневника*.

Единственное, что наверняка может философия, – это сказать о том, что состоявшаяся жизнь, которая доступна каждому, предполагает рефлексии и мимесис. И есть простые способы, именно технологии для каждого через рефлексии и мимесис достичь катарсиса. Это и есть дневник.

2. Разлом между персональностью и социумом

Чтобы осмыслить *интимный дневник*, который, будучи теснейшим образом связан с индивидуальностью и субъективностью, представляет собой

² См.: Толстой, Л. Н. Дневниковая запись от 22.10.1853; Цит.: Шкловский, В. Энергия заблуждения. Избр. Т. 2. М., 1983. С. 350.

³ См., напр.: Тульчинский, Г. Л. Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб.: Алетейя, 2007. Эта книга – один из последних примеров мемуарно-дневникового текста, вызвавшего острое раздражение профессионального сообщества.

манифестацию *единичного*, необходимо иметь в виду, по противоположности, феномен *множественности*. Организующее множественность *общество* предстает первоначально в качестве условия возможности общения а, в конечном счете, как условие возможности духовной жизни, условие выхода из платоновской пещеры, преодоления вертикальной дистанции между имманентным и трансцендентным.

Дневник – на драматическом разломе между персональностью и социумом.

Здесь сталкиваются две бесконечности различных порядков: менее мощная бесконечность имманентного и несоизмеримо более мощная бесконечность трансцендентного. Почему такой диалог возможен? Благодаря посреднику.

Вертикальное отношение имманентного и трансцендентного предстает двояко. Во-первых, это так или иначе организованный диалог с Абсолютом. Во-вторых, вертикальное общение оказывается диалогом в «земной» иерархической структуре; социум обнаруживает реальную, зримую иерархию – появляются социальные «верхи» и «низы». В этом отношении предзадано неравенство, которое осуществляется конкретно как отношения раба и господина – отношения власти и зависимости.

Естественно, что два указанных модуса вертикального общения не альтернативны, а комплементарны: диалог народа с верхами (элитой, священниками, интеллигенцией) – это опосредованный (элитой) диалог с Богом, а для верхов диалог с низами (народом) это также диалог с Богом (ответственность за народ, с одной стороны; восприятие сакральной стихии жизни – «глас народа – глас Божий» – с другой).

3. Текст: фиксированность слова

Становление и развитие цивилизаций всегда, кроме ярко выраженной иерархии и развития властных отношений, характеризуется также фиксированностью слова, т. е. – обязательным наличием текста. Власть и текст открывают новые стороны и возможности в вертикальном общении.

«Все есть текст» и дополнительный тезис: «все есть власть». В сопоставлении этих тезисов мы получаем возможность сформулировать две позиции: «текст есть власть» и «власть есть текст».

Иначе говоря, с одной стороны, текст выступает как способ властвования, осуществления власти и, тем самым, – как достижение полноты бытия через генерацию текстов, обеспечивающих власть. С другой стороны, власть оказывается вставленной в рамку текста и тем самым лишается, хотя бы частично, своей насилующей, господствующей интенции. Текст в этом плане являет собой не только способ власти, но и способ борьбы с властью, – с самой возможностью строить отношения по типу «господин – раб», – с насилием, наконец. Поэтому обнаруживаются возможности всё новых изошренных форм насилия «через текст», так и – освобождения от насилия опять же «через текст».

4. Официоз. Проповедь

Вертикальное общение «сверху вниз» в письменных (печатных, компьютерных) цивилизациях застывает как текст *официальный*. Он существует в пространстве нормированного языка. Оно, это пространство, предостав-

ляя место для такого рода текстов, само по своей структуре и содержанию задается корпусом официальных текстов. Таким образом с помощью языка создается *идеология* как определенная ценностная система.

Конкретным образцом (и прототипом) официального текста является *проповедь*, кристаллизацией, завершением которой предстает закон. Закон предписывает, что надлежит народу делать. Сюда же идет и «истеблишментная» философия, делающая акцент на законах, детерминизме и предписании, – философия, охраняющая существующий порядок вещей. Эти тексты написаны людьми, которые «знают, как надо». Все эти официальные тексты сохраняют хорошую мину при любой игре; такого рода текстам неведомо чувство *стыда*⁴. Лицедейство органично публичности таких текстов. Если им знакомо какое-то чувство, то это лишь чувство жалости. Своеобразный «гуманизм» официальных текстов предстает как жалость к «Братьям меньшим», к «детям», к «заблудшим», «к несчастным».

Межкультурное общение также может носить такого рода вертикальный характер. Скажем, есть «промышленно развитые страны», которые постигли в своем представлении тайну человеческой цивилизованности, и есть «развивающиеся страны», которые эту тайну стремятся еще постичь. Тексты, написанные на языках «развитых стран» (сегодня особенно на английском), предстают как образцы, проповедь и научение для «отставших народов».

Официальные тексты обязательно предполагают эзотерический момент. На него я обращаю особое внимание, ибо именно тайна есть фундаментальная противоположность простоте. Официальные тексты кажутся «простыми», как незамысловатые речи В. В. Путина, но мы-то понимаем, что в глубине за публичным текстом стоит некоторая *тайна*, которая может быть либо собственно сакральной природы, либо светской (государственной, публичной, наконец – научной). В последнем («научном») случае тайну содержит сама его рациональность, кристальная мистическая ясность, требующая, однако, для своего понимания аскезы длительного институционализированного обучения.

Официоз – это не «абсолютное зло». Официальное истеблишментное письмо амбивалентно. Это по существу сам язык, условие возможности и духовной интимной жизни индивида, условие подлинно человеческой полноты его бытия, наконец, условие самой человечности вообще. Классический текст, будь то «Илиада» или «Библия», «Капитал» или «Евгений Онегин», поскольку они признаны классическими, приобретают статус официального текста⁵. Лицедейство официоза всегда содержит в себе творческую природу театра. И в то же время официальное письмо, являясь животворящим источником, представляет собой «холодное чудовище» (если перефразировать слова Ф. Ницше о государстве).

⁴ Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. в 2-х т. / В. С. Соловьев. М., 1988. Т. 1. С. 51 и далее. Здесь словам «стыд», «жалость» и «благоговение» придается категориальный смысл.

⁵ См. подробнее: Лигров, К. С. Молчание классического текста // Язык и текст: онтология и рефлексия : материалы к 1-ьм междунаро. философско-культурологическим чтениям : сб. ст. СПб., 1992.

5. Исповедь

Официальный текст должен быть *воспринят*. Для этого он требует ответной духовной активности. Эти формы активности суть *чтение, молитва* и ряд других. Как мы видим, духовные усилия здесь направлены прежде всего на *восприятие* гласа Божия. Однако сюда включается и активный момент в таком восприятии – это *молитва*.

Развиваясь по шкале активности, молитва превращается в комплементарный тип вертикального общения, дополняющий первый тип (проповедь). Речь идет о вертикальном общении «снизу вверх» – общении, идущем от народа к элите и через нее к Богу.

Конкретно в наиболее развитой форме предстает как *покаяние, исповедь*⁶. Оно исполнено *благоговения*⁷ по отношению к Богу, к верхам, – благоговения перед тайной, окутывающей Олимп. И здесь создается особый тип литературы – исповедническая литература, тесно связанная с проповеднической и дополнительная к ней⁸. Но существенным отличием исповеднических текстов является то, что они в своем развитом виде⁹ не публичны, а *приватны*. Они сами по себе не тиражируются, существуют каждый раз в единичном экземпляре¹⁰, сливаясь в единый хор множественности лишь в сфере трансцендентного.

6. Горизонтальное общение. Болтовня. Письма

На базе фундаментальной вертикали возникает и возможность *горизонтального общения*. Другой выступает как зеркало, и в этом отношении в Другой обнаруживается предчувствие свойства «чистой тетради», в которой возможно сделать дневниковую запись.

Человеку необходимо *рассказывать*; только рассказывая, он существует. Рассказом он преодолевает онтологический страх перед бытием, низводя

⁶ «Червь ядовитый скрывался во мгле:
Черные думы таились во мгле.
Червь, изгибаяся, землю сквернил:
Грех ненавистный мне душу тягчил.
Червь ядовитый облит янтарем:
Весело взоры почуют на нем.
К Небу подъямлю я очи с мольбой,
Грех обливаю горючей слезой.
В сердце взгляну я: там Божья печать,
Грех мой покрыла Творца благодать».

А. С. Хомяков. Из Саади (на кусок янтара)

⁷ Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. в 2 т. / В. С. Соловьев. М., 1988. Т. 1. С. 52 и далее.

⁸ См.: Уваров, М. С. Архитектоника исповедального слова. СПб., 1998.

⁹ Незрелая исповедь публична. Только в IV веке патриарх Нектарий официально отменил должность пресвитера для публичного покаяния и предоставил каждому избирать себе пресвитера для тайной исповеди (Уваров, М. С. Цит. соч. С. 20). Очевидно, речь идет о возрастании религиозной культуры и развитии личности верующего.

¹⁰ Как, скажем, знаменитая «Исповедь» М. Бакунина. См. ее публикацию в кн.: Докло, Ж. Бакунин и Маркс: тень и свет. М., 1975.

его на уровень быта, простых вещей. Только когда человек проговаривает, удваивает свое бытие в речи, он уверен и покоен в прочности своего благоустройства (уверенность, впрочем, иллюзорная). В рассказе вертикальное общение «сползает» в горизонтальное, хотя где-то «за кадром» все время подразумевается исходная вертикаль. В беседе (разговоре «равных») профанируется как проповедь, так и исповедь.

Прежде всего, это беседа, доверительный разговор, наконец – просто болтовня. В них и осуществляется главным образом дружба и любовь. Они непосредственно наполняют смыслом человеческую жизнь в горизонтали повседневного.

Такого рода горизонтальное общение застывает как особого рода текст. Это, прежде всего, – письма, образец частных текстов. Они всегда предполагают единичность, нетиражированность. Сегодня это не только Интернет, электронная почта, но и такая замечательная форма как блоги.

В качестве противовеса официозу общества формируется социальный институт приватности частной жизни, которая реализуется в тайне переписки, врачебной тайне и т. д. Частная жизнь открывается одному человеку: которому я пишу письмо, кому я звоню по телефону, вообще – кому я открываю свои маленькие постыдные, но прекрасные в своей неповторимости (кажущейся!) и доверительности тайны. Для того, чтобы осмыслить бытийствование такого частного «горизонтального» текста, нужно иметь в виду метафору наготы, метафору даже более острую, чем в случае исповеди. Ведь Бог и так видит нас нагими, а перед Другим мы еще должны обнажиться. Нагота как процесс существует в качестве тайны именно в ходе своего открывания...

Из частного «горизонтального» письма постепенно формируется и специфический тип литературы – не проповедующий, не исповедывающийся, а повествующий – тип литературы, представляющей «как беседа воспитанного человека» (С. Мозм). «...Чтобы самое банальное происшествие превратилось в приключение, достаточно его рассказать... Пока живешь, никаких приключений не бывает. Меняются декорации, люди приходят и уходят – вот и все... Дни прибавляются друг к другу без всякого смысла, бесконечно и однообразно... Но когда ты рассказываешь свою жизнь, все меняется... Мгновенья перестали наудачу громоздиться одно на другое, их подцепил конец истории, он притягивает их к себе ... это все равно, что пытаться ухватить время за хвост»¹¹.

Для такого горизонтального текста, ставшего литературой, весьма важным моментом является предельное расширение тематики. В вертикальных текстах, особенно в проповеди, целый ряд тем табуируется. Далеко не все следует говорить и в исповеди. Тексты же, происходящие из доверительной беседы с другом, как раз упражняются в том, чтобы вывести на свет такие темы, о которых нельзя и помыслить. Эта способность доверительности раскрывается в таком литературном жанре, который культивирует ее, – в лирике¹².

¹¹ Сартр, Ж.-П. Тошнота / пер. Ю. Я. Яхниной. М., 1994. С. 56–58.

¹² Лирическое письмо – это как раз способ проговаривания. Выход свободной воли за пределы небытия, выражающийся в том, что в беседе с другом все может быть темой:

7. Дневник

Теперь, после того как мы ввели публичные и частные, «вертикальные» и «горизонтальные» тексты, мы, наконец, можем обозначить в этих отношениях экстраординарное место *дневника*.

Дневник – это текст не «вертикальный» и не «горизонтальный», он «точечный», это точка саморефлексии, но точка, в которой заключена актуальная бесконечность, это некоторый предел и, в известном смысле, итог бытийствования текста (и человека) вообще.

Здесь случается *самосознание*.

Дневник есть изготовленное самим индивидом «зеркало души». Именно в дневнике множественность социальности стягивается, «схлопывается» в единое. Общение с трансцендентным опосредствуется и доходит «до точки» дневника, чтобы потом на основе кристаллизованного в нем самосознания развернуться по тем же кругам (исповедь, проповедь и т. д.), завершившись в формировании развитой коммуникации между имманентным и трансцендентным.

Дневник сам по себе не есть обращение к Богу или царю. Этот текст даже не фиксация беседы с избранным Другим (с которым соединяет меня любовь или дружба), это текст парадоксальным образом к самому себе. В нем есть момент проповеди, но это проповедь самому себе, в нем есть момент исповеди, но это исповедь перед самим собой.

Наконец, это беседа с самим собой. Дневник вообще сродни человеческим размышлениям, тому потоку сознания, который течет в каждом человеке. Но дневник тем отличается от размышлений, что он включает инстанцию эксплицированности. Именно в этих своих качествах дневник обнаруживает смысл бытия (и генезиса) индивидуальности¹³.

«Как живописен писающий мальчик:
Живой амурчик, парковый фонтанчик
Невинно-золотистая дуга...
А девочка на корточках – лягушкой, –
И так не к месту бантик над макушкой...
Но вдруг вспорхнет – и бабочка Дега...
А мальчик обрстет унылой шерстью
И голо кукарекнет на нашесте
Цыплячьей шей...
Катится река –
Живая жизнь. И вся, до капли, – тема!
И аденома в ней как хризантема
Звучит, забыв, что мучит старика...»

Ольга Бешенковская

Поэтесса обыгрывает здесь тот фундаментальный факт, что письмо, писание, с одной стороны, и писание как физиологическое отправление, с другой, – существенно едины. Еще у Монтеня человеческие выделения (экскременты) и письмо философа поставлены в один ряд.

¹³ «...буду жить не так, как пьют стакан воды, а как с напряженным вниманием дегустируют сложнейший букет неповторимо богатого вина» – А. В. Луначарский. Предисловие к кн. «В поисках за утраченным временем» / Марсель Пруст. Б.м. 1934. С. 7–8.

Кроме «центростремительных» сил, стягивающих общение в точку, есть внутри дневника еще и «центробежные» силы. В итоге получается некоторый вибрирующий, то расширяющийся, то сужающийся «меловой круг», ограниченная плоскость, в которой возникшая субъективность стремится оградить себя от злых стихий социума, черпая в то же время из социума энергию. «Душа жаждет себя, но она жаждет обрести себя в чем-то ином, а не в себе, в своем индивидуальном проявлении, она поэтому перед Богом отказывается от себя, чтобы найти в нем самое себя и наслаждаться этим»¹⁴.

Необходимо «открыть» самого себя¹⁵, растождествиться с собой – это условие восхождения к Абсолюту. Другой-из-меня возникает ближайшим образом как даймоний Сократа, который говорит в моем дневнике, императивно обращаясь ко мне во втором лице. Дневниковое письмо, схватывая эмоциональное начало в логике текста, предстает как логический катарсис, как рациональное очищение своих страстей.

Дневник, соединяя подлинность молчащего бытия с духовной активностью, в связи с этим всегда в той или иной мере – тайнопись. Поэтому он принципиально не прост.

Формой его существования может быть или иностранный язык как форма ведения дневника, или – самим собой изобретенный шифр, как у Леонардо, или намеки и иносказания, понятные только самому автору.

С одной стороны, дневник – это экзистенциальный текст, – обнаружение (и – создание) субъективности, обнаружение фундаментального уединения-одиночества¹⁶, но с другой – это действие, совершаемое на материале общего языка. Это – подвижность, зыбкость, гибкость (ничто так часто не сжигается, не уничтожается каким-то другим способом, как дневники). Но с другой стороны, дневник – это закреплённость, ставшесть, артефактность. Написано пером – не вырубил топором.

Поскольку дневник предназначается самому себе, его адрес представляется проблематичным. Дневник с этой точки зрения нельзя читать; его можно только *перечитывать*. В процессе (эксцессе) перечитывания дневник начинает жить своей собственной жизнью. Собственно, жизнь дневника – это его перечитывание. К сожалению, будучи научены культурой, что «следует вести дневник», образованные авторы дневника часто недооценивают момент его «самочтения»¹⁷.

¹⁴ Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. Т. 14, М., 1958. С. 31.

¹⁵ Вспомним популярную работу: Кон, И. С. Открытие «Я» М., 1978. Она ведь по существу была методикой ведения дневников.

¹⁶ «Его представление о счастье. Всю жизнь спокойно читать и писать, никогда никому не показывая ни слова из написанного, никогда ничего из этого не публикуя. Всё это для себя написанное оставлять в карандаше, ничего не изменяя, будто все это – так, ни для чего, как естественное течение жизни, которая не служит никаким ограничивающим и объединяющим целям, а вся целиком является собственной целью и так записывает себя, как ходят и дышат, – сама собою» (Канетти, Э. Заметки. 1942–1972 // Человек нашего столетия. М., 1990. С. 287–288).

¹⁷ Чтение моего дневника Другими на самом деле имеет тот глубинный смысл, что с помощью Других я сам прочитываю свой дневник.

Жизнь дневника означает, что благодаря своей артефактности мой дневник может заявить на меня свои права. Я – собственность этого текста, а не только он моя собственность. Не только я веду дневник, но и дневник ведет меня¹⁸.

Техника ведения дневника, будучи признаком всякой развитой культуры, может отчуждаться, вырождаясь в «мертвые дневники», которые возникают как результат пустой, якобы рефлексивной активности, за которой стоит только внешняя форма, но в которой нет рефлексии. В этом случае мы встречаемся с дневниками, которые ведутся лишь потому, что «всякий культурный человек должен вести дневник». Более того, в дневнике скрывается интенция быть формой самонадзора в рамках «дисциплинарной технологии»¹⁹.

Саморазвиваясь в процессе «ведения» и многократного медленного перечитывания написанного, дневник предстает как все более сложная система целей и «адресов», как источник формирования целей, – в конечном счете – мистический способ выяснения и исполнения своего предназначения и предназначения всего человечества.

Возникший как результат аффекта, как эпифеномен, дневник начинает использоваться как самим автором, так и его ближними. Таким образом сверхприватный дневниковый текст становится публичным. Также нагота, «опубликованная» в художественном, эротическом или медицинском журнале, уже перестает быть собственно наготой, т. е. тем «просветом в бытии», каким феномен наготы явился в результате длительного культурного развития.

Окутанный аурой стыда, дневник в качестве предельно приватного текста ценностно напряжен, отношение к нему амбивалентно. Он, с одной стороны, рационализуется как необходимая данность нашего быта, как даже определенный психотерапевтический прием, условие психологического здоровья, но, с другой стороны, в отношении к дневнику есть всегда некоторый оттенок пренебрежения, насмешки.

Дневник часто вызывает смех или, по крайней мере, пренебрежительную, жалеющую, снисходительную улыбку того, кто вольно или невольно ставит себя в позицию «верхов». Акцентируется действительно присутствующий в дневнике момент нарциссизма и аутизма. «Горе несчастью, который наслаждается жизнью, копаясь в глубинах своего существования»²⁰ (вместо того, чтобы заниматься государственными, общественными делами). Мол, дневник – это дело для гимназисток, только что овладевших элементами

¹⁸ «Моя книга в такой же степени создана мной, в какой я сам создан моей книгой. Это – книга, неотделимая от своего автора, книга, составлявшая мое основное занятие...» (Опыты Монтеня. Кн. 2, гл. 18. С. 593). И через несколько сотен лет снова читаем: «Мне помогает ... эта книга. Может быть, она делает меня больше, чем я сам. Ведь она – мой ребенок, а я – ее ребенок. Ведь когда я пишу о том, чего не знаю, пустое в моей голове уступает место твердому – знанию» (Тарасов, В. К. Технология жизни. СПб., 1992. С. 57).

¹⁹ Ср.: Lauer, D. Understanding social theory. Pt. 3. Breaking free and burning bridges. L., 1994.

²⁰ Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 223.

письма, — для неопытных девушек, которые не обладают еще достаточной культурой чувств, не могут справиться с потоком гормонов, внезапно хлынувших в кровь, — для тех, кто бросается к дневнику, чтобы как-то эмоционально выжить, не впадая в постыдную, видимую другими истерику. Словом, дневник терпим как некоторое дидактическое упражнение, относящееся к «юности мятежной», но это не занятие для серьезных активных мужчин. В связи с дневником, как и со связанным с ним феноменом одиночества, всплывают метафоры мастурбации²¹.

Особенно настороженно и даже враждебно отношение к дневнику в тоталитарном обществе. Вспомним, например, описание дневника у Дж. Оруэлла в «1984». Интересны фигуры, которые принципиально не вели дневников, абсолютизируя негативное отношение к дневниковому письму. Е. Яковлев пытался найти в громадном корпусе интеллектуальной продукции В. И. Ленина данные об его автобиографии, но по существу тщетно. Ленин, по-видимому, относился к тем людям, для которых жанр дневника был совершенно не свойственен. В конце концов не важно, сам ли Ленин не вел дневников или «компетентные органы», создавая необходимый образ харизматического лидера, уничтожили его дневниковые записи. Дневник в этом мире может представлять только как донос на самого себя²².

Конечно, лидер — это генератор официальных, публичных текстов. Не отсюда ли идет недопустимость публикации приватного текста, имеющего отношение к лидеру? Но, например, Махатма Ганди в качестве своей *собственности* перечислял только следующие немногие вещи: набедренную повязку, сандалии, плевательницу и ... дневник. Впрочем, само это перечисление, где отсутствуют книги, перечисление, ставящее дневник рядом с плевательницей, также снова вызывает смех и открывает новые возможности амбивалентного отношения к дневнику.

Ясно, однако, что тоталитарный лидер фундаментально отличается от духовного лидера, создающего образцы текстов и образец жизни.

8. Темпоральность

Дневник принципиально темпорален. Он не выходит из времени, он принципиально и, так сказать, сознательно погружается в него. Дневник, достигая отсроченности во времени, разрывает стимул и реакцию, дает *задержку* ответа Другому и *задержку* ответа Другого. В этой паузе и возникает субъективность. Дневник позволяет преодолеть страх, коренящийся в переживании времени, без обращения к Другому. Пространство дневникового текста — это арена борьбы со временем, арена борьбы, где рациональное «дрессирует» эмоциональное, сначала выпуская эмоцию на про-

²¹ См.: М. Павлова «Одиночество» и «Об одиночестве» Ф. К. Тетерникова: ранняя поэма и психофизиологический очерк Федора Сологуба (Новое литературное обозрение. 3/2002. № 55. С. 5–31. Здесь публикуется и анализируется незавершенная поэма Ф. Сологуба «Одиночество (история мальчика-онаниста)».

²² Гуманизация (или разложение) советского общества началась, в частности, с того, что дневники перестали быть материалом возможного обвинения для тайной полиции.

стор текста, а затем набрасывая на нее рациональную узду. В итоге дневник нацелен на власть над временем, может быть, самую прозаическую²³.

Другая, глупбинная, структура времени, фиксируемая в дневнике, — противоположность «обычной жизни» и «роковых минут» истории. В дневнике сталкиваются приватное и публичное время²⁴. Индивидуальные события переживаются как всемирно-исторические, а всемирно-исторические — как индивидуальные. В дневнике поэтому становится действительно возможным единство мировой истории и индивидуальной судьбы.

9. Топос языка

Пространство дневника, прежде всего, задается языком. Но язык вовсе не пассивный «фон» дневникового письма. Он в качестве *соглядатая* присутствует и в исповеди, и в задушевной болтовне влюбленных; присутствует он и в дневнике. И это весьма существенно. Язык воспитывает и формирует мысль. Он *заставляет* говорить некоторые вещи, а некоторые вещи *не позволяет* сказать. Новоречь, новояз у Дж. Оруэлла вообще, как будто, делает невозможным ведение дневника.

И в то же время дневник, немыслимый вне языка, предстает как *арена борьбы* с языком. Именно впервые в дневнике, наедине с собой, человек отваживается сказать несказуемое и — молчать о том, что «говорят все».

«Наше высшее решение, наше спасение состоит в том, чтобы найти свою самость, вернуться к согласию с собой, уяснить, каково наше искреннее отношение к каждой и любой вещи. Не важно, каким это отношение может быть — мудрым или глупым, позитивным или негативным. Важно,

²³ «Я вел дневник, записывая в нем мысли, которым я следовал при принятии своих решений, и делал это по мере хода событий, т. е. в реальном времени». Сорос, Дж. Алхимия финансов. М., 1996. С. 28. И далее описывается, как этот известный финансист овладевал временем биржи с помощью дневника. Другой пример из области индивидуальной гигиены. Известный доктор дает советы, как снизить вес: «Регистрируйте потребляемую пищу... Чтобы изменить плохие привычки в питании, надо прежде всего их выявить. Регистрируя ежедневный прием пищи, вы будете знать, когда, где и сколько вы съедаете. Для этого заведите специальную тетрадь и записывайте в ней все потребляемые вами продукты.» (Дебейки М. Э. и др. Диета живого сердца / пер с англ. Л. П. Митьковская. Минск: Попурри, 2000. С. 149–150).

²⁴ См.: Готье, Ю. В. Мои заметки. М., 1997. Дневник человека, который чувствует себя русским историком (учеником Ключевского!), живущим в роковые дни во время Октября и в послереволюционные годы. См. также: Гальдер, Ф. Военный дневник: ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск, 1939–1942 гг. М., 1968. См. также: Гиппиус, З. Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк. М., 1990. Гонкуры Э. и Ж. Дневник (В частности: Революция во Франции в 1830 г.) Розанов, В. В. Апокалипсис нашего времени (Переживание послеоктябрьских дней). Дневник плохо отражает исторические события. В Дневнике у К. Чуковского читаем (1917, 19 июня): «...вторую ночь читаю "Красное и Черное" Стендаля, толстый 2-томный роман, упоительный. Он украл у меня все утро. Я с досады, что он оторвал меня от занятий, швырнул его вон. Иначе нельзя оторваться — нужен героический жест; через пять минут жена сказала о демонстрации большевиков, произведенной в Петрограде вчера. Мне это показалось менее интересным, чем измышленные страдания Жюльена, бывшие в 1830 г.» (Чуковский, К. И. Дневник. Т. 1. М., 2003. С. 89).

чтобы каждый человек в каждом случае думал то, что он действительно думает»²⁵.

Дневник и есть техника думать то, что мы действительно думаем. Дневник – это техника обособления, уединения, создание *мног самим* субъективного пространства – создание места субъективного духа²⁶.

Уединение обычно достигается с помощью перемещений в физическом пространстве – ухода в убежище. Скажем, это келья, пещера, высокая гора, место пребывания отшельника, противопоставленные агоре, публичному месту, казенному дому. Сегодня – это «своя комната». Сюда можно удалиться, закрыться на крючок. Между «своей комнатой» и «чистой тетрадь», предназначенной для дневника, есть глубинная близость. Уединение, необходимое для сосредоточенной духовной жизни, достигается духовным сосредоточением, когда общество изыскивает все новые и новые пути проникновения в мир субъективности. Уединение с помощью дневниковой тетради возможно в трамвае, в музее, за письменным столом, за чтением, за служебным компьютером – всюду, где я могу открыть свою тетрадь.

Принципиальный гарантирующий смысл здесь имеет *тишина*. Дневник дает возможность сосредоточения, тишины и молчания в шумной цивилизации. Речь, таким образом, идет о дневнике как о генезисе *хронотоп субъективности*.

10. Универсальность дневника

Освоение любого произведения, – будь это произведение проповедническое или исповедальное, будь это повествование как «беседа воспитанного человека» – обязательно идет через превращение его в дневник. Именно в этом экзистенциальный смысл такой техники духовной работы как *конспект*. Он всегда содержит в себе моменты дневника.

Во взаимных превращениях техник духа ведение дневника предстает прежде всего как *форма чтения, способ чтения*. Путем чтения, перечитывания и переписывания, редактирования возникает феномен «медленного чтения», родственного перечитыванию дневника. В такого рода превращениях возникает важный феномен *черновика*, текстовой формы повседневности, исследованный Шкловским и Лехциером. Черновик – это всегда в известном смысле дневник. Интерес и вкус к черновикам связан именно с тем, что в неофициальном письме содержится нечто такое, чего нет в письме официальном. Неофициальный текст, будучи опубликованным, вызывает, как уже говорилось, *стыд* и в то же время именно поэтому – жгучий интерес читателя.

Это интерес к альковным подробностям, к маленьким постыдным тайнам великих людей, т. е. тех людей, которые создают официальные тексты. Интимные подробности известны в лакейской, именно из лакейской идут неофициальные тексты. Но разве в глубинной сути роли лакея, если абстрагироваться от наслоений превращенных форм, нет позиции доброй нянюшки и, наконец, всепонимающей мамы! Сама исходная природа психоанализа – это, в некотором роде, взгляд из лакейской.

²⁵ Ortega y Gasset, J. Man and Crisis. N.Y., 1958. P. 76.

²⁶ «Как хороша, как одинока жизнь» (И. Бунин).

Черновики во всякой развитой культуре письма играют важную и особую роль. Это касается не только Валери, но и всех, признанных классиками. Здесь и К. Маркс с его «Экономически-философскими рукописями 1844 г.», здесь и В. И. Ленин с «Философскими тетрадями» и упомянутым поиском элементов автобиографии в ленинских текстах, здесь и Паскаль, и многие другие. И для них черновики оказываются важнее официально изданных текстов. Так и сам П. Валери пишет о Леонардо, ставя у него на первое место черновики, наброски.

Словом, как восклицает В. Шкловский, «велики тайны черновиков!». Отметим, что черновик – принципиально текст не простой, хотя и представляется процедурой фундаментального упрощения.

11. Дневники социума

Мы все время говорили о дневнике применительно к индивидуальности, к субъективности. Феномен дневника может быть обнаружен на уровне метафоры и применительно к социуму в целом. Дневник не отдельного человека, но социума – это *журналистика*, «срочная словесность» (В. Даль). Журналистика как дневник оправдывает униженное О. Шпенглером и Г. Гессе фельетонное слово. В «срочной словесности» выплескиваются эмоции, которые через некоторое время представляются со стороны смешными, жалкими и вызывают сентиментальную ностальгию.

Дневник в широком смысле²⁷ близок к *архиву*²⁸ и *музею*²⁹. Ведение архива подобно ведению дневника. Дневник с этой точки зрения представляет собой нулевой уровень *историографии*³⁰. Не только дневник – это техника, но и наоборот: техника как социальная память – это дневник.

И, наконец, *философия* есть, в сущности, дневник. Отсроченность во времени, существенная для дневника, представляющего, как говорилось уже, технику власти над временем, – эта отсроченность оказывается существенной для *генезиса самосознания*, культуру которого и предлагает философия. Одним из наиболее константных признаков культуры, признаком, который можно считать универсалией культуры, является *потребность в самоописании*. Самосознание задается самоописанием. Потребность в самоописании и реализуется в создании автодескриптивных текстов ме-

²⁷ Включая, например, платяной шкаф – ведь по платьям, которые там висят, женщина может читать историю своей жизни.

²⁸ См.: Featherstone, M. Archiving cultures // Brit. J. of sociology. Cambridge, 2000. Vol. 51. № 1. P. 161–184. Архив рассматривается как обладающая единством идентификации и классификации система хранения документов, в которых не должно быть каких-то отдельных или тайных единиц хранения. Архив рассматривался как источник легитимности правителей, как основа закона; как знание, обеспечивающее идентичность социального коллектива, как хранилище национальной памяти.

²⁹ См.: Беззубова, О. В. Музей как инстанция художественного, научного и идеологического дискурсов : автореф. ... канд. филос. наук. СПб, 2003. Здесь утверждается, что Музей представляет собой инстанцию, отражающую структуру культуры в целом.

³⁰ Необходимо, кстати говоря, государственная и даже мировая, скажем, в рамках ЮНЕСКО, служба собирания и обработки дневников. Представим себе на минуту весь этот гигантский корпус дневниковых текстов в мире. Разве он не составляет подлинную основу действительной мировой истории!?

такультурного уровня, которые можно считать грамматиками, создаваемыми для описания самой себя³¹.

Глубинная связь философии с дневником объясняет некоторые ее темные стороны. Философия в своей институциональной форме всегда содержит момент официоза, который прикрывает экзистенциальное ее содержание. Такой взгляд на философию, связывающий ее с дневником, позволяет также объяснить, почему в философии органичен момент публицистики, что не всегда хотелось бы признавать. «Плохое» (точнее – амбивалентное) отношение к философии, публицистике и к ведению дневников – одного порядка, поскольку философия, как и журналистика, предстает в определенном аспекте как культура дневника.

Толпа, хотя ее и раздражают эмоции, не может вести дневник, она не способна к саморефлексии. У толпы принципиально нет субъективности, а текст философский всегда явно или эвентуально несет в себе момент дневника, а всякий дневник – момент философии. Задержка слова Другому, задержка ответа Другого как выход из времени, как власть над временем – вот что дают дневник, журналистика, философия.

12. Заключение

В этом пространстве тишины и молчания, создаваемого с помощью дневникового текста, и рождается свобода, также как сама возможность единства мировой истории и индивидуальной судьбы.

В связи со всем сказанным культура дневника приобретает большое значение для нашего Отечества, переживающего мучительный кризис. Дело, в первую очередь, не в нашей бедности, не в нашей лени, не в том, что нам не везет с «начальством». Дело в том, что *наш народ не умеет быть свободным*. Свободу нельзя «даровать» свыше. Свободу нельзя «завоевать» снизу. Всякое завоевание чревато новым рабством как завоеванного, так и завоевателя. Завоеванная свобода все равно сползает в рабство. Свободу можно только сотворить в страдании и рефлексивном творчестве своей души. Вот это и помогает сделать дневник в единстве с публицистикой и философией. Короче говоря, дневник – исходная индивидуальная техника свободы, генератор свободы; ведение дневника представляет собой сам генезис свободы, универсальный способ подготовки к свободе³². Если дневник формирует свободу, то он формирует и субъективность.

Поскольку свобода может быть, в сущности, только тайной (в смысле своей сверхприватности, своей фундаментальной субъективности) поэтому *дневник – техника «тайной свободы»*. Таким образом, простая вещь – дневник позволяет прорваться к подлинному бытию, которое тайно, а потому «сверхсложно». В «ведении дневника», в «процессе дневника» происходит самосознание как деятельность, происходит *самосознание письмом, т. е. – формируется разумный человек*.

³¹ Лотман, Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973. С. 4–5.

³² Не готов я к свободе
По своей ли вине?
Ведь свободы в заводе
Не бывало во мне.

Владимир Корнилов. Цит.: Новый мир. 1988. № 2. С. 244.